



**П**о лесу гуляли грибники. Ворошили, расковыривали палками какие-то кочки, срезали редкие сыроежки и подосиновики, бросали их в плетеные кузовки. Грибов было мало, а грибников много. Они тут уже толпой прошли, выгребая все под метелку.

— Смотри-ка, тут опять были, — показала женщина на пень, вокруг которого разбегались кругляши срезанных ножек грибов. — Много было!

— Я же говорил — раньше вставать надо! Люди вон поднялись к первой электричке и до нас все собрать успели! Вечно ты копаешься!

Побрели дальше.

Но домой, если что, можно вернуться с полными лукошками, потому что на платформе местные всегда продают грибы, раскладывая их кучками на расстеленном полиэтилене.

— Смотри, это что такое?

— Выбрось. Это ложный опёнок.

Дальше пошли.

— А Витька с Мишкой где? Куда делись эти шалопаи?

Оглянулись.

— Да вон же они!

Витька с Мишкой, присев на бугорке, что-то увлеченно вертели в руках. Хорошо бы белый гриб.

Но это был не белый гриб, это был белый айфон последней модели.

— Вы чего это тут? — Папаша сгреб сыновей за шиворот, приподнял, потряхнул. — А ну, дай сюда!

Те с явной неохотой отдали свою находку.

— Где взяли?

— Там, — кивнули они куда-то в сторону.

— Где «там»?

— В машине. Там машина стоит. Пустая...

На машину пацаны набрали случайно. Они бы мимо прошли, только в машине никого не было, а дверца — нараспашку. И музыка на полную громкость играет. Ну как тут не остановиться! Они постояли, поглазели, не удержались — сунули головы в салон.

6

— Ух ты!

Машина была навороченная, со всеми возможными прибабасами и примочками.

— Класс! Давай внутрь сядем.

— Ты что?! А если хозяин придет, он так нас... Нам...

— Да ничё, не придет. Мы быстро — сядем, посидим и убежим. Никто не заметит!

Оглянулись воровато. Никаких хозяев не увидели. И вообще никого. Лес кругом. И только где-то далеко дорога. Значит, можно...

— Ну, давай, чего трусишь?

— Я трушу? Ничего я не трушу! Сейчас возьму и залезу!

Витька набрался храбрости, встал на ступеньку, поднялся и плюхнулся на водительское сиденье. Уселся поудобнее, покрутил головой. Покрутил баранку.

— Чего? — вопрошал с улицы Мишка. — Чего там? Как? А?

— Здóровско! — Витька смотрел сверху вниз на младшего брата, ощущая себя почти новым русским.

— Ты чего там один? Я тоже хочу покрутить! Пусти меня! — захныкал Мишка. — Пусти-и-и!

— Сейчас, сейчас...

Витька потрогал все рычажки, пощелкал всеми переключателями, осмотрелся по-хозяйски. Заметил на приборной доске айфон.

— Ух ты!

— Чего там, чего? — забеспокоился, запрыгал Мишка. — Мне покажи!

— Вот. — Витька продемонстрировал айфон. — Видал?! — Нажал какие-то кнопки, экран засветился. — Пошли посмотрим! — Витька выпрыгнул из машины, побежал в лес.

Мишка за ним.

— И я, и я хочу-у-у...

Айфон был новенький и наверняка дорогущий.

— Балбесы, — сказал папаша, раздав каждому по заслуженной затрещине. — Показывай, где взяли.

Братья уныло побрели вперед.

— Вон туда... Там...

Машина, точно, стояла на опушке — очень приличный джип, в котором и папа с удовольствием бы сам посидел, рычажки попереключал. И дверца была открыта.

Отец подошел, сунулся внутрь.

— Где телефон лежал?

— Вон там, — показал Витька.

Отец положил айфон на место.

— В следующий раз возьмешь чужую вещь — ноги вырву и туда засуну, где до того ремнем пройдусь! — пригрозил он. — Смотри-ка, ключи!

В замке зажигания, верно, болтались ключи.

— Зинка, глянь! Чего-то здесь не то. Дверца на-  
распашку и ключи.

— А ты гудни, может, хозяин услышит?

Точно.

Отец семейства нажал на клаксон. И держал его  
довольно долго.

По опушке, по лесу разносился тревожный, рез-  
кий гудок. Но никто не подошел. Что-то здесь не  
так — не бросают открытые машины с айфонами  
и ключами зажигания в замке.

— Слышь, Зин, давай посмотрим вокруг.

— Да ну его, пошли отсюда! А то ввяжемся  
в историю, потом не выпутаемся! Вечно ты при-  
ключения себе ищешь!

— Молчи, дура! Может, человеку помощь нуж-  
на, может, ему плохо стало! Мы по-быстрому.

Разошлись в стороны. И почти сразу же:

— Зинка!

Жена подошла, ахнула, закрыла рот рукой.

— Ой, ужас какой!

— Где, где ужас?! — закричали, побежали  
«ужас» смотреть Витька с Мишкой.

— А ну, брысь отсюда! — гаркнул папаша. —  
Зинка, уברי детей. Неча им тут глазеть!

Мать подхватила упирающихся, выворачиваю-  
щих головы братьев и потащила их подальше.

— Да... — сам себе сказал папаша, оглядываясь  
по сторонам. — Дела!

Перед ним, привалившись спиной к стволу де-  
рева, сидел мужчина. Очень прилично одетый. Ряд-  
дом на земле валялось охотничье ружье. А голова...  
А головы у мужчины почти не было — только рот  
и подбородок. А всё, что выше, — снесено выстре-  
лом из ружья.

На стволе дерева была видна запекшаяся кровь и еще какие-то серые ошметки.

— Вот тебе и сходил в лес по грибочки!— тяжело вздохнул несостоявшийся грибник, который вместо грибов нашел себе приключение на то самое место, из которого грозил Витьке ноги выдернуть.

Права была Зинка, хоть и дура!

### Шестнадцать часов спустя после происшествия

По стволам деревьев были растянуты красные предупреждающие ленты, хотя ходить здесь было некому. В стороне мялись какие-то полицейские и люди в штатском. Кто-то что-то мерил рулеткой. Кто-то фотографировал. Чуть поодаль стоял горе-папаша. Говорил:

— Это всё они, балбесы. Вместо того чтобы грибы собирать, шлялись тут.

— Кто?

— Витька с Мишкой. Сыновья. Увидели джип открытый...

— Забирались в него?

Отец утвердительно кивнул.

— Влезли, айфон взяли. Вон тот. Я его потом обратно положил.

— Значит, вы телефон тоже брали?

— Ну да, брал, чтобы на место отнести.

— Так, дальше.

— А чего дальше... Положил телефон, подумал: странно, что машина брошена и ключи в замке. А ну как кто-нибудь угнать надумает. Ну и вообще. Погудел, потом посмотреть пошел. И почти сразу увидел. Того...

— К трупу подходили, что-нибудь трогали?

— Нет. К нему приблизиться-то страшно было. Так его разнесло.

— Пацанов своих позовите.

Подошли оживленные, вертящие головами мальчишки.

— Кто из вас Витька, кто Мишка?

— Ну, я Витька. А чего?

— Ничего. Вопрос у меня к тебе. Ты парень наблюдательный?

— Да. Наверное.

— Когда пришел сюда, когда в машину лазил — ничего не видел, не слышал?

— А чего надо было видеть?

— Не знаю — людей, автомобили. Может, кто шел, или ехал, или бежал. Или крики какие-нибудь?

— Не-а. Никого не было. Только мы с Мишкой. Мы тут мало были, только посмотрели и пошли...

— Из машины больше ничего не стащили? Только честно!

— Не-а...

— Ладно, идите.

Подошел человек.

— Что у тебя?

— Ничего интересного. Сняли пальчики с оружия, в машине снаружи и внутри. Посмотрели, пошарили вокруг.

— Что нашарили?

— Есть какие-то отпечатки обуви. Но, скорее всего, пацанов и их папаша. Есть другие, но более старые, подсохшие уже. Вон там — рисунок протекторов. Свеженький. Кто-то в лужу въехал, грязь продавил.

— Может, этот? — Кивок в сторону джипа.

— Нет. Я посмотрел. Все четыре колеса. Там рисунок другой.

— А потерпевший?

— Что потерпевший? Башка — в куски, по всему лесу осколки собирали и с дерева пришлось соскребать. Выстрел в упор, картечью. По всему — самоубийство. Хотя...

— Что «хотя»?

— Уж больно способ экзотический выбран — приехать, присесть чистенькой попкой на мокрую травку, веточку с сучком в сторону найти... Прямо армейский, времен отечественной войны вариант. Можно было что-нибудь попроще придумать, если уж так приспичило. И оружие... Самострелы обычно предпочитают свой фейс не портить — чисто инстинктивно, потому представляют, как в гробу лежать будут в окружении скорбящих родственников, которые о нем сожалеть должны. Опять же по холодному лобу погладить, раскаявшись и оценив утрату. А здесь — лежать нечему. Здесь только если платочком это место прикрыть... Ладно бы в рот ствол сунул — это еще понятно. А он с нескольких сантиметров пальнул. Мало кому приятно в дуло заглядывать, из которого сейчас смерть выскочит. Странное это любопытство. Да и менее надежно — а ну как в последний момент рука дрогнет и ствол в сторону уйдет. Так можно вместо жизни уха лишиться или глаза. А вот если в рот, да зубками дульце прикусить, тогда — с гарантией.

— Тьфу на тебя, с подробностями твоими.

— Ты спросил, я ответил. Но это так, личное мое мнение. В протоколе я ничего такого писать не буду. Да вот еще что — в кармане у него бумажка нашлась. — Помахал в воздухе прозрачным файлом с каким-то листком.

— И что там?



— Прощальная записка. Мол, уйду сам, по собственной инициативе, прошу никого ни в чем не винить... И все в этом роде. Потом прочтешь. Странно только, что записка распечатана на принтере.

— А что здесь странного?

— Обычно пишут от руки, выплескивая свои эмоции на бумаге. Там даже по почерку, по наклону букв, по нажиму, по разбегу строк можно судить о психологическом состоянии самоубийцы на момент написания — насколько он нервничал или, напротив, был спокоен. А здесь казенная бумага со стандартным шрифтом. Причем даже без подписи. Что уж совсем не понятно.

— Почему?

— Если ты принял решение покончить с собой и просишь никого в этом не винить, это ведь бумага почти официальная, как заявление. Об уходе с этого света на тот. По собственному желанию. А коли это официальная бумага, то роспись должна быть! А то ведь можно черт знает что подумать. Зачем письма писать, если их не подписывать? Вот ты бы стал предсмертные записки без подписи катать?

— Я бы вообще ничего писать не стал. Я бы, если надумал с собой покончить, всех ворогов своих и обидчиков в одно помещение собрал и одной гранатой положил. Вместе с собой. Это я еще понимаю!

— Ну да, ты известный злодей. Ты точно один уходить не захочешь, ты парень компанейский, много кого с собой прихватишь.

— Что-то еще?

— Нет, ничего. Кроме смутных ощущений, которые к протоколу не пришьешь.

— Твои ощущения порой бывают вернее твоих экспертиз. Проходили уже не раз. Что здесь не то?

— Не знаю. Но что-то нечисто. Душок во всем этом какой-то нехороший. Как-то все очень нарочито — поездка в лес, ружье, чтобы полбашки вдребзги. Криминальный сериал какой-то. В жизни оно ведь все попроще. Надоело жить, вытянул ремешок из штанишек, сварганил петельку, выпил для храбрости на посошок — и где-нибудь в кладовке. Или с десятого этажа сиганул. Это — нормально, это каждый божий день. А так...

— Спасибо, утешил.

— Ты спросил...

— А ты ответил.

— Точно. А в целом — картинка ясная, как божий день — самострел из гладкоствольного охотничьего ружья двенадцатого в область лица, что привело к мгновенной, необратимой и очень неэстетичной смерти.

Типичный суицид...

\* \* \*

Хоронить покойника пришлось точно прикрыв платочком пол-лица. Хотя санитары попытались что-то такое слепить из осколков...

Людей было на удивление мало — кто-то с работы, несколько друзей, мать, жена... Хотя считалось, что покойник был очень компанейским человеком.

Речей не говорили. Постояли, поплакали, повздыхали.

Гроб заколотили и опустили в могилу.

Был человек.

И не стало его...

— Что у тебя по самострелу?

— Да ничего особенного. Все понятно, все в рамках, если не считать каких-то мелких странностей.

— Каких?

— Отпечатков чужих протекторов в луже, предсмертного письма, распечатанного на принтере, без росписи... И сам способ... За каким было ехать за тридевять земель, по пробкам, в лес, за город, если все то же самое можно было сделать дома, в более приятной и привычной обстановке?

— Тогда я тебе еще одну «странность» подкину. Свеженькую. Тут экспертиза пришла.

— И что там?

— На первый взгляд ничего особенного — на деталях салона, на ручках, на стеклах, на сиденьях не обнаружено никаких отпечатков пальцев, кроме тех, что понатыкали пацаны. Которые айфон стащили.

— Ну?

— Что «ну»? Никаких!.. Включая пальчики хозяина машины! Который вообще-то ехал, скорости переключал, дверцы открывал-закрывал, ремень безопасности застегивал.

— И даже на пряжке ремня не было?

— Нет. Ничего.

— Кто-то стер отпечатки?

— Да, кто-то тщательно протер все гладкие поверхности спиртосодержащей салфеткой. До стерильной чистоты.

— Может, это он сам, перед смертью?

— Ага! Ну зачем покойнику, собираясь снести себе башку, в последние минуты жизни протирать изнутри салон? Он что, такой патологический чи-

стюля? Вначале машину до блеска выдраить, а затем свои мозги по лесу разбрызгать. Как-то не связывается это.

Ну да. Верно мыслит. Похоже, приплыл висяк.

— Что теперь делать думаешь?

А что тут делать, когда всё и так ясно.

— Искать свидетелей последних дней, допрашивать родственников, друзей, знакомых, соседей, сослуживцев... Чтобы составить картинку. Чтобы понять, зачем ему это надо было.

Или не ему...

### Кабинет следователя.

Трое суток спустя после происшествия.

Допрос Светланы Ивановны Федорчук

15

---

— Здравствуйте.

— Здравствуйте...

Хотя в этом учреждении желать здоровья как-то... Не способствует оно здоровью.

— Как к вам можно обращаться?

— Света. Просто Света.

Следователь еле заметно улыбнулся.

Симпатичная, во всех отношениях, дама. В молодости, наверное, была первой красавицей. Но сейчас уже не Света. Точно — не Света, хотя молодится из последних сил.

— А в протоколе как мне писать? Света?

— Извините. Светлана Ивановна.

— Очень приятно. Хочу задать вам, Светлана Ивановна, несколько вопросов относительно вашего мужа.

— Бывшего мужа. Мы не живем вместе. Уже больше восьми месяцев.